

РАЗВЕДКА

41го

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

В ПАСТИ «ТИГРА»

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 В пасти «тигра» / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова).

ISBN 978-5-04-226084-1

1944 год. Войска 1-го Украинского фронта форсируют Вислу и вступают в сражение за Сандомирский плацдарм. Советской разведке становится известно, что для укрепления обороны немцы подтягивают к передовой батальон новейших танков «Tiger II», которые они называют «Королевскими тиграми». Это может замедлить наше продвижение на данном участке... Капитан Глеб Шубин предлагает захватить одну из таких машин, чтобы тщательно ее изучить и понять, как бороться с этими монстрами. Рискованное предложение находит поддержку штаба. В ту же ночь Шубин с несколькими бойцами уходит за линию фронта навстречу опасности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226084-1

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Что, дочка, приуныла?

К Шуру Гороховой, сидевшей неподалеку от танка Т-34, на котором она числилась радистом-пулеметчиком, подошел старшина Коломеец. Дмитрию Степановичу — водителю-механику, служившему на том же, что и Шура, танке, было уже сорок семь лет, так что девятнадцатилетняя Саша вполне годилась ему в дочери.

— Львов наш, — задумчиво произнесла в ответ на вопрос Коломейца Шура.

Тот рассмеялся.

— А, теперь понятно, что тебя тревожит, Катигорошек ты наш. — Коломеец сел рядом с Сашей на землю и, немного помолчав, сказал: — Это, конечно, не мое стариковское дело — молодым барышням такие вопросы задавать, но все-таки — можно я у тебя спрошу?

— Спрашивайте, дядя Митя. Вам все можно. Сами ведь знаете, что я к вам как к отцу родному отношусь.

— Знаю. — Добрая и немного грустная улыбка скользнула по губам Коломейца.

Он снова замолчал. Может, о чем-то задумался, а может, решал, стоит ли ему задавать вопрос или все-таки нет. Наконец он произнес:

— Молодая ты еще, Шура, вот что я тебе скажу. Не мне, конечно, тебя уму-разуму учить да наставлять. Хотя и говоришь ты, что я для тебя как отец родной. Война — она всех сближает, всех родными и близкими делает. Но ведь человек, Шура, как устроен... Вот когда ему тяжело и душа его мается, то хочется ему, чтобы рядом с ним был не просто друг и товарищ, а кто-то близкий. Настолько близкий, чтобы чувствовать рядом с ним себя спокойно и знать, что человек этот тебя всегда поймет и утешит в случае нужды и дух твой поднимет. Ты согласна со мной? — посмотрел он на Шуру.

Девушка молча кивнула, все еще не поднимая глаз и задумчиво глядя на яркие язычки костерка, возле которого она сидела.

— Ты вот сейчас сидишь и думаешь о нем, о капитане, значит...

— С чего это вы, Дмитрий Степанович, взяли, что я о Шубине думаю? — неожиданно взвилась Шура и, нахмутив реденькие рыжие бровки, с возмущением посмотрела на Коломейца.

Тот рассмеялся.

— Сама только что проговорила. Да у тебя и без того все на лбу написано, — шутливо ответил он. — Большими такими буквами. Не веришь? Иди, глянь в воды Вислы, и сама убедишься.

Александра фыркнула и отвернулась. Снова уставилась на огонь.

— Ты что же, думаешь, что твои чувства к этому капитану такой уж большой секрет? — продолжил после некоторого молчания Коломеец. — Я сразу тебя, а вернее, твое равнодушие к Глебу разглядел, как только он к нам знакомиться пришел. Видел, как ты на него смотришь, как в глаза ему заглядываешь, как говоришь с ним...

— Что, и вправду так все было видно? — не поворачивая головы, буркнула Шура, и щеки ее вспыхнули ярким румянцем, который еще больше усилился в отблеске костра.

— А то! — по-отечески ласково улыбнулся Коломеец. — Нет, я не против того, чтобы ты влюбилась, — положил он Шуре на плечо свою широкую и горячую ладонь. — Любовь, она, конечно же, красит человека. Вот только не всегда. И твой случай — как раз такой. Смотрю я на тебя Катигорошек, и душа моя плачет.

— С чего это она плачет? — покосилась на него Шура.

— Сердцу, конечно, не прикажешь, — выдержав небольшую паузу, ответил Коломеец. —

Да только высохла ты с этой своей любовью. Ты глянь — одни глазищи остались на лице, да курносый нос из-под шлема торчит. А он у тебя не скакать что большой. И о чем это говорит?

— О чем? — Шура с вызовом посмотрела на механика-водителя.

— А о том, что ты, дуреха, не ешь ничего, — с досадой ответил Коломеец. — А разве ж так танкисту можно? Тут, понимаешь ли, наступление, отдыху никакого и так нет, а ты еще и есть ничего не ешь. Скоро в обмороки голодные начнешь падать. А кто за тебя воевать тогда будет? — нарочито сердитым голосом стал он отчитывать Шуру. — Сил-то, небось, много надо, чтобы в бою не просто в танке сидеть, а работу работать. А какие у тебя силы, если ты не ешь ничего? На вот тебе хлеба. — Коломеец неожиданно для Шуры протянул ей большую горбушку ржаного хлеба. — Я и каши тебе принес. Будешь есть? А то ведь скоро наша очередь переправляться. А там как Бог даст...

Саша улыбнулась и взяла из рук Коломейца хлеб. Непонятно отчего, ей вдруг сделалось легче на душе, и раздражающая сердце тоска, которую она носила с собой уже несколько дней, вдруг отступила. Она не исчезла совсем, но сделала шаг назад и спряталась где-то в глубине души Шуры.

— Бога нет, дядя Митя, — сказала она, откусывая от горбушки.

— Это мы так думаем, — серьезно ответил Коломеец. — Ты вот сейчас немцев видишь? Нет, не видишь. А они есть. Так и Бог. Мы его не видим и не верим в него, а это не значит, что его нет и он сейчас нас не видит. — Коломеец протянул Шуре котелок с уже остывшей кашей.

— Не знала, что вы верующий, — заметила девушка, принимая котелок и ставя его к себе на колени.

— Меня мать с отцом крестили при моем рождении, — ответил Коломеец. — Революция хотя и отрицала существование Всевышнего, так ведь это дело такое... Мало ли что мы отрицаем. А оно есть независимо от нашего отрицания. Вот и ты, а вернее, твое сердце независимо от тебя взяло и влюбилось в человека с первого взгляда. А какой он, этот человек, ты знаешь?

— Знаю, — уверенно тряхнула головой Шура. — Он самый что ни есть лучший человек во всем мире.

Коломеец скрыл улыбку, скользнувшую было по губам, и серьезно ответил:

— Вот я и говорю — сердцу не прикажешь. Не скажешь ему — люби того, а не этого. Так и с Богом. Если веришь в него, так как прикажешь сердцу не любить его. Ты ведь веришь, что капитан хороший человек? Веришь.

Коломеец замолчал, прислушиваясь к суете вокруг них. Переправа на левый берег Вислы шла своим чередом.

— Ладно, Шура, ешь да на ус мотай, что я тебе скажу. А скажу я тебе вот что. Напрасна та любовь, которая остается без ответа. Она только съест тебя. Высосет из тебя весь сок жизни до самой капельки. Ты ведь не маленькая и должна понимать, что капитан Шубин, какой бы он ни был расхороший и храбрый, не пара тебе.

— Почему это не пара? — Шура оторвалась от еды и возмущенно посмотрела на Коломейца.

— А потому. Он на сколько лет тебя старше? Вот то-то и оно... — несколько сердито ответил тот.

— Ну и что? Подумаешь, старше. Возраст для любви не помеха.

— Может, возраст и не помеха, — согласился Коломеец, — да вот только он-то тебя не любит. А может, у него жена есть или любимая женщина, а тут ты со своими детскими влюбленностями. Так ты, значит, не строй напрасных надежд, а лучше выбери для себя парня попроще и помоложе. Вон их сколько в нашей бригаде на тебя посматривает. Да вот хотя бы Кольку нашего возьми. Парень тоже, не хуже тебя, скоро совсем высохнет от любовной тоски.

— Колька? — Шура удивленно посмотрела на Коломейца. — С чего это вы взяли, что он в меня влюбился? Он надо мной только насмешничать и умеет. Постоянно дразнится и побольней уколоть словом норовит.

Механик-водитель усмехнулся и покачал головой.

— Ох, Шура, Шура, — сказал он. — Это так же явно, как то, что ты потеряла голову из-за капитана Шубина. А ты вот о чем подумай лучше. — Коломеец пристально посмотрел в глаза Шуры. — Готова ли ты тому, кого любишь сейчас, отдать всю свою жизнь? Не ту, что у нас с тобой осталась на этой войне. Мы с тобой не властны над смертью, под которой ходим каждый день и каждый час, а ту часть мирной жизни, что будет потом, когда эта страшная война закончится и наступит мир, а с ним и привычные послевоенные будни. Представь себя не возлюбленной капитана, а его женой, со всеми вытекающими из этого представления последствиями...

Он замолчал, и Шура, для которой откровения Коломейца стали большой новостью, вдруг впервые по-настоящему задумалась о своих чувствах к Шубину. Она и раньше думала о любви к неожиданно ворвавшемуся в ее жизнь капитану, но думала о ней отстраненно, как о чем-то эфемерном и прекрасном. Она ни разу не представила себя в роли жены Шубина, ни разу не подумала о том, что ей придется стирать его белье или готовить ему обеды. Она не мыслила о своей любви с практической точки зрения, представляя себя лишь в объятиях Глеба, и думала о его поцелуях...

И вдруг ее девичьи мечты стали не просто мечтами, а образами. И эти образы разительно отличались от тех, что она напридумывала себе ранее. Она видела себя в фартуке на кухне в окружении кучи ребятишек. Она пыталась представить рядом с собой Глеба и то, как она кормит его борщом или вареной картошкой... Но его фигура отчето-то расплывалась и никак не хотела вставляться в ее представления о семейной жизни. Она хмурилась, пыталась настроить себя, представить Шубина в роли своего мужа, но у нее ничего не получалось. Но зато к ней в мысли все настойчивей и настойчивей влезал образ Кольки. Она гнала его, злилась на саму себя, пыталась сменить его образ на образ Шубина, но это у нее плохо получалось. Шура от досады даже жевать перестала. Так и застыла с ложкой в руках и с полным ртом каши.

К Коломейцу и Шуре подошел двадцатидвухлетний танкист — Колька Ревунец, служивший заряжающим на танке.

— Вы чего не спите? Говорят, скоро наша очередь переправляться. Я только что от Слюсаренко, он сказал, что...

Он не договорил. Александра вскочила и, опрокинув котелок с недоеденной кашей наземь, умчалась в сторону реки.

— Чего это с Катигорошком случилось? — удивленно посмотрел Ревунец на механика-води-

теля, который с не меньшим удивлением смотрел вслед умчавшейся Шуре. — Мухи вроде не летают. Поздно уже.

— Зато комаров много, — хлопнул себя по шее Коломеец и тоже встал.

Он притоптал уже начинавший и без того потухать костерок и, повернувшись к Ревунцу, спросил:

— Так что там командир сказал?

— Говорит, что через час для нашей бригады уже будут готовы плоты для переброски на тот берег. — Колька все еще не отрывал взгляда от той стороны, куда умчалась Шура.

— Ну, раз так, то пойдем, подготовим машину, — отмахиваясь от ставших совсем уж назойливыми комаров, позвал Кольку Коломеец.

— Удивительно, что немцы до сих пор не бьют по переправе, — заметил Ревунец, следуя за механиком-водителем и время от времени оглядываясь на реку. — Неужели так и будем их гнать до самой Варшавы?

Едва он произнес эти слова, как вдалеке, со стороны реки, раздалась канонада. По звуку танкисты определили, что бьет немецкая артиллерия.

— Ага, держи карман шире. Можешь еще и шлем снять и его подставить, — усмехнулся Коломеец. — Немцы, пока мы в их Силезию не войдем и их заводы не захватим, будут еще нам много пакостей делать. Наверняка что-то опять заду-

мали, раз притихли. Погоди, все еще впереди. Не думаю я, что они нас так просто к Сандомиру пропустят.

— Где это они колотят? Явно не рядом с нашей переправой, — прислушался Колька.

— Это, похоже, по архиповской пятьдесят третьей танковой бригаде бьют, — заметил Коломеец. — Они как раз правее нас по Висле переправляются. Спешат прикрыть соединения тринадцатой армии. Им на том берегу без огневой поддержки худо один на один с немцами-то.

— Все-то ты, дядя Митя, знаешь, — рассмеялся Колька. — Тебе командовать армией надо, а не на дне танка сидеть и в двигателях ковыряться.

— Не скажи. Полководцев на этой войне и без меня хватает. И они поумней меня будут в стратегиях, — проворчал в ответ Коломеец. — А вот в механизмах танка не всякий из этих полководцев сможет разобраться. Я же этот танк сам, можно сказать, по винтикам на заводе собирал и каждую детальку, какая на каком месте стоит, знаю как свою жену.

— Надо бы Шуру вернуть, — забеспокоился вдруг Колька. — Вдруг фашист и по нашей переправе бить начнет.

Он хотел было повернуть назад, чтобы сходить за девушкой, но Коломеец его остановил:

— Не ходи. Она не маленькая. Сама придет. А если фашист начнет бить, так и что с того? Нам

все равно переправляться. Сейчас риск попасть под обстрел невелик. Вот потом, когда на воде будем, тогда и беспокойся.

Полчаса Шура не появлялась возле машины, а когда пришла, то старалась не поднимать глаз ни на Ревунца, ни на Коломейца. Но как она ни старалась скрыть свои страдания, Коломеец все-таки догадывался, что творится на душе у девушки. Он хотя и делал вид, что не смотрит на нее и ему вообще неинтересно, что она думает и что прячет, но исподтишка все же искоса посматривал на нее.

Колька же, наоборот, подойдя к ней, начал расспрашивать, стараясь заглянуть Шуре в глаза.

— Катигорошек, ты чего убежала-то? И кашу не доела. Я, что ли, тебя обидел чем? Так я и слова в твой адрес не сказал.

— Ты тут вовсе ни при чем, — буркнула Шура. — Много о себе думаешь. Стала бы я на тебя обижаться, даже если бы и сказал чего...

Она отвернулась от него и полезла в танк, проворчав что-то вроде «рацию надо проверить».

— Эй, слюсаренковцы, новость слышали?! — крикнул танкистам проходивший мимо незнакомый боец. — Наш танк на том берегу немецкую артиллерию разогнал.

Коломеец и Колька прислушались. И вправду, звуки канонады смолкли, и над рекой установилась тишина.